

Глава 22. Градус повышается

Послепраздничные будни тянулись невыносимо долго и нудно.

Бянь Шэнцзянь, распластавшись на парте, подавил уже тринадцатый по счету зевок. Его челюсть ломило, а суставы едва не выскакивали из пазов.

Скука смертная.

В классе уныло гудели вентиляторы. Атмосфера стояла привычно сонная: Лао Тань на трибуне самозабвенно исполнял сольную партию, не замечая отсутствия интереса у аудитории.

Шэнцзянь искренне не понимал, что не так с ребятами из одиннадцатого-четвертого. На переменах они носились как угорелые, но стоило прозвенеть звонку, как все словно впадали в транс. Кто-то сверлил взглядом учебник, кто-то с отсутствующим видом пялился на доску. Это коллективное оцепенение выглядело даже пугающе.

Тотальная тоска.

Бянь Шэнцзянь тяжело вздохнул. До первого числа осталось... девять дней.

Черт, и как это пережить?

Он изо всех сил пытался сосредоточиться на записях на доске. Учеба его не особо прельщала, но и в ряды полных лоботрясов, приходящих в школу просто отсидеть часы, он себя не записывал.

— «Осенью года Жэньсюй, в шестой луне, когда месяц только начал убывать...» — монотонно читал Лао Тань.

Шэнцзянь лениво скользил глазами по строчкам, попутно делая пометки на полях.

— А что же говорит нам Су Ши в следующей фразе? Он спрашивает: «Друг мой, ведомо ли тебе, что суть воды и луны едина?» Видите ли вы здесь связь? «Течет она так, и все же не уходит» — здесь под «она» подразумевается река. Значит, уходящее подобно потоку...

Слова учителя сливались в неразличимый гул. Рука Шэнцзяня начала соскальзывать, аккуратные иероглифы сменились неровной вязью, а затем и вовсе превратились в бесформенное чернильное пятно.

«Проклятье... как же хочется спать...»

С трудом разлепив веки, он размашисто начертил рядом с заголовком пять раз слово «СПАТЬ», но гипнотический тембр Лао Таня был сильнее. Стоило на секунду замереть, и сознание готово было провалиться в бездну.

— Итак, далее сказано... — Лао Тань собирался выделить ключевой момент на слайде, как вдруг резко обернулся к задним рядам.

— Твою ж!

Бянь Шэнцзянь очнулся в то самое мгновение, когда его лоб с глухим стуком встретился с поверхностью парты. Он ударился так, что звук услышал весь класс.

Блестяще.

Шэнцзянь сторал от неловкости, но лицо сохранил невозмутимым. Он даже умудрился изобразить на физиономии искреннее недоумение, мол: «И какой идиот это сейчас храпака задал?», и принялся оглядываться вместе со всеми.

Лу Шэнь не выдержал и прыснул.

— Сань-гэ, ну ты и актер, — прошептал он, едва сдерживая смех.

Бянь Шэнцзянь, не меняясь в лице, процедил сквозь зубы:

— Заткнись.

Лу Шэнь еще какое-то время беззвучно сотрясался над учебником, а потом тихо вздохнул.

— Дуралей.

— Ты кого это сейчас обложил? — Бянь Шэнцзянь преградил дорогу парню в коридоре.

Он планировал сразу после уроков рвануть в общежитие и досмотреть прерванные сны, но, проходя мимо одного типа, отчетливо услышал приглушенное ругательство в адрес своей матери.

— Да я не тебя, — тут же включил дурака тот.

Шэнцзянь сразу узнал его — этот парень с самого начала учебного года исподтишка демонстрировал враждебность. Тот самый, что вечно жевал в классе вонючие пирожки. Как же его...

— Ма Цзин, кажется? — он прищурился.

— Ма... — парень мгновенно вспыхнул. — Ма Цзин я! Какой еще Сяо!

— О, великий Ма Цзин, — голос Шэнцзяня стал опасно тихим. — Повтори-ка, что ты там про мою мать вякнул?

Обычно он игнорировал таких типов — трусливых, но вечно ищущих повода зацепиться. Но сегодня день не задался с самого утра, а оскорбление задело за живое, мгновенно высекая искру ярости.

— Что ты сказал? — повторил он, не сводя глаз с противника.

Ма Цзин, видимо, окончательно потерял берега. Огрызнулся с неожиданной злостью:

— Да я тебя уже давно терплю!

— Вот как? Ну, излагай, — Шэнцзянь шагнул ближе.

— С какого перепугу все девчонки в классе вокруг тебя вьются?! — выкрикнул Ма Цзин на весь коридор. — Почему ты?!

Ярость Шэнцзяня на мгновение сменилась ступором. Ему даже захотелось рассмеяться.

— Тебе кто-то нравится — иди и добивайся. Я тут при чем?

— Да! Мне нравится одна! — Ма Цзин побагровел, продолжая орать под взглядами собравшейся толпы. — А я видел, как она на прошлой неделе просила у тебя WeChat, а ты её отшил! Она потом плакала, ты хоть знаешь?!

Бянь Шэнцзянь усмехнулся, глядя на сотрясающегося от негодования Ма Цзина.

— Ты дебил? Я отказал ей, потому что она мне не нравится. Не хотел давать ложную надежду. А плачет она там или нет... мне-то какое дело?

Ма Цзин вскинул голову, его глаза налились кровью.

— Что ты сказал?!

— Нравится кто-то — действуй, а не на меня лай, придурок, — бросил Шэнцзянь. — И лучше бы

делом занялся: рожу умой и голову помой, а то смотреть противно.

Ма Цзин непроизвольно коснулся своих прыщей и сальных волос. Обида захлестнула его с новой силой.

— Да пошел ты, Бянь Шэнцзянь! Думаешь, если при деньгах, то можно всех за грязь считать?! Твою мать...

Договорить он не успел. Шэнцзянь резко подался вперед и коротким, точным ударом впечатал кулак ему в живот. Пока Ма Цзин, хрипя, сгибался пополам, он мертвой хваткой вцепился в его воротник, заставляя задрать голову.

— Рот закрой. Не смей поминать мою мать, ничтожество.

Ма Цзин, ошалевший от боли, едва дыша, все же выдавил сквозь зубы очередное грязное ругательство.

Последняя нить самообладания в голове Шэнцзяня лопнула. Он схватил стоявший рядом стул и с яростным криком замахнулся:

— Я сказал — заткнись!

— Эй, эй! Полегче! — свидетели стычки, до этого лишь наблюдавшие, бросились наперерез.

Стулья в школе были хоть и деревянные, но тяжелые — таким можно и череп проломить. Несколько парней, с которыми Шэнцзянь недавно обедал, попытались его удержать:

— Шэнцзянь! Остынь!

Ма Цзин застыл на месте, парализованный ужасом, даже не пытаясь уклониться от летящей в лицо тени.

В последний момент чья-то рука перехватила ножку стула, обрывая этот безумный замах.

— Сань-гэ, успокойся.

— Отвали, — Шэнцзянь помрачнел от гнева. Он дернул стул на себя, но Лу Шэнь держал крепко. — Я сказал — отпусти!

Лу Шэнь не шелохнулся, он смотрел спокойно и твердо.

— Поставь стул. Давай просто поговорим.

— Не твое дело!

В порыве ярости Шэнцзянь рванул спинку стула вверх. Лу Шэнь не ожидал такого резкого движения, хватка соскользнула, и он едва успел отпрянуть.

Стулья в четвертой школе были старыми, с зазубринами и острыми щепами. Когда стул взметнулся в воздух, длинная острая заноза на ножке полоснула Лу Шэня прямо над бровью.

Через секунду на пол упали первые капли крови.

Шэнцзянь замер. Злость испарилась мгновенно, оставив лишь холодное оцепенение. Он бросил стул и шагнул к другу:

— Черт... Ты как?

— В норме, — Лу Шэнь прижал ладонь к лицу. Когда он отнял руку, она была в крови. — Кажется... жить буду.

— Блин, я не хотел, честно, — Шэнцзянь смотрел на глубокую ссадину на надбровной дуге. Кровь текла обильно, заливая глаз. — Живо в медпункт!

Лу Шэнь послушно кивнул. Только сейчас Шэнцзянь заметил, что его собственные руки мелко дрожат; он схватил Лу Шэня за руку и, не глядя на кровь на полу, ткнул пальцем в сторону застывшего Ма Цзина:

— Считай, тебе повезло, что он влез. Еще раз вякнешь — выцеплю там, где нет камер, и ноги переломаю.

— Идем, — Шэнцзянь мягко подтолкнул Лу Шэня к выходу. — Прости, я правда не в тебя целился.

— Да пустяки, — Лу Шэнь прижимал к ране салфетку и даже пытался улыбаться. — Я просто испугался, что ты этому придурку лицо всмятку разнесешь. Вот это были бы проблемы.

— Он сам напросился, — буркнул Шэнцзянь, не сводя встревоженного взгляда с лица друга. — Твою мать... шрам же останется.

— А? — Лу Шэнь на миг убрал салфетку, и кровь снова заструилась по коже.

— Держи крепче! — Шэнцзянь сам прижал его ладонь обратно.

— Если останется шрам, я что, буду уродом? — невинно поинтересовался Лу Шэнь.

— Не носи чушь, — Шэнцзянь стиснул зубы. — Убью этого Ма Цзина.

В школьном медпункте Шэнцзянь, не мигая, следил за каждым движением врача.

— Сестра, скажите, шрам ведь не останется? — его голос так и сквозил тревогой.

Школьной медсестре было уже за тридцать, и обращение «сестра» ей явно польстило. Осмотрев рану, она неторопливо произнесла:

— Повезло. Рассечение неглубокое. Сейчас остановлю кровь.

— Точно не останется? — не унимался Шэнцзянь. — Может, прививку от столбняка надо?

— Не будет шрама, — успокоила его врач. — Не суетись ты так, сядь.

— Хорошо, — Шэнцзянь сел на край кушетки, продолжая внимательно следить за ватным тампоном в руках женщины. — А мочить можно?

— Желательно нет, — она взяла спирт. — Закрой глаза, сейчас пощиплет.

Лу Шэнь послушно зажмурился. Когда спирт коснулся раны, он даже не вздрогнул, лишь тихонько шикнул.

— Больно? — тут же подскочил Шэнцзянь.

— Нет, — отозвался Лу Шэнь с закрытыми глазами.

— Врешь же. Я что, сам никогда раны не обрабатывал? — Шэнцзянь обернулся к медсестре. — У вас нет чего-нибудь помягче? Ну, чтобы не жгло так?

— Послушай, парень, — терпение врача подошло к концу. — Если не доверяешь, вези его в городскую больницу. У меня тут медпункт, а не спа-салон.

— Ладно, ладно... — Шэнцзянь посмотрел на аккуратную наклейку из марли. — Спасибо, сестра.

— Не за что. Идите. Пару дней не мочите, и все затянется.

Выйдя из медпункта, Шэнцзянь продолжал искоса поглядывать на повязку друга.

— Все еще болит?

— Почти нет, — Лу Шэнь посмотрел на него с легким прищуром. — Сань-гэ, ты что, раньше никогда не ранился?

— Еще как ранился, — нахмурился Шэнцзянь. — У меня на спине шрам на полпоясницы, восемь швов накладывали.

— Тогда почему ты так из-за этой царапины трясешься?

— Я... — Шэнцзянь замялся. — Просто я тебя задел случайно.

— Вот как? — Лу Шэнь улыбнулся и по-дружески приобнял его за плечи. — Спасибо за заботу. А я-то думал, если подохну где-нибудь в подворотне, никто и не заметит.

— Что за чушь ты несешь? — Шэнцзяню стало не по себе. — Типун тебе на язык.

— Тьфу-тьфу-тьфу, — послушно поплевал через плечо Лу Шэнь.

— Твои родители... они и вправду за тобой совсем не смотрят? — не выдержал Шэнцзянь после долгой паузы. — Просто не приходят домой?

— Почти никогда. Я даже не знаю, когда они в следующий раз объявятся, — Лу Шэнь опустил взгляд на свои кеды. — Никто не смотрит, никто не видит. А теперь я еще и «□□» — с подпорченной внешностью, — теперь уж точно до меня никому дела не будет...

— Какое еще «подпорченной»? — перебил его Шэнцзянь. — Врач же сказала: через пару дней все пройдет.

— Ну да, точно, — Лу Шэнь кивнул.

Шэнцзянь замолчал. В душе понемногу воцарялось спокойствие, но вместе с ним пришло странное осознание: почему он так перепугался из-за пустяковой раны?

— Сань-гэ, — Лу Шэнь смотрел прямо перед собой. — Почему ты так сорвался на Ма Цзина?

— У него язык без костей, — при одном упоминании этой сальной физиономии Шэнцзянь снова закипал.

— Из-за мамы, да? — Лу Шэнь слегка сжал его плечо.

— Да, — после недолгой тишины ответил Шэнцзянь. — Я никому не позволю говорить о ней гадости.

Голос его невольно дрогнул, в нем промелькнула тщательно скрываемая тоска.

— Все хорошо. Нужно двигаться дальше, — Лу Шэнь мягко похлопал его по спине. — Она ведь всё видит. Она всегда присматривает за тобой.

В этих словах не было скрытого смысла — только простая, искренняя поддержка, от которой у Шэнцзяня потеплело на душе.

— А если всё-таки останется шрам? — Лу Шэнь снова коснулся повязки, состроив озабоченную мину.

— И чего ты от меня хочешь? — вздохнул Шэнцзянь.

— Будешь нести за меня ответственность, — Лу Шэнь посмотрел на него с самым серьезным видом. — А вдруг меня теперь никто в мужья не возьмет?

— Ты, блин... — Шэнцзянь скрежетнул зубами. — У тебя совесть есть вообще?

— А можно вместо совести взять тебя? — Лу Шэнь лукаво улыбнулся.

<http://bllate.org/book/17573/1712528>